

ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА В НОВОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsrvy@icloud.com

THE PHILOSOPHY OF POSTMODERNISM IN THE NEW CULTURAL AND HISTORICAL PARADIGM

V. Savrey

Summary. The article presents an analytical assessment of the problem-conceptual quest for postmodern philosophy, focused on the implementation of new forms of thinking and creativity in the context of the main directions of development of modern culture. Against the backdrop of the changes that took place in the political, cultural and historical life of the world in the second half of the 20th century, postmodern philosophy became the historical expression of a new type of philosophical discourse with its criticism of the philosophy of the classical era of modernity and with its rejection of claims to comprehend the meaning of history and the "secret" of the world. Contrary to the "spirit of the times" postmodern, the article embodies the idea of the enduring importance of traditional ethical values of the era of classical modernism.

Keywords: time, law, history, culture, liberalization, modern, postmodern, freedom, tradition, philosophy, era.

Аннотация. В статье представлена аналитическая оценка проблемно-концептуальных исканий философии постмодерна, ориентированных на реализацию новых форм мышления и творчества в контексте магистральных направлений развития современной культуры. На фоне перемен, происшедших в политической и культурно-исторической жизни мира во второй половине XX века, философия постмодерна стала историческим выражением нового типа философского дискурса с его критикой философии классической эпохи модерна и с его отказом от претензий на постижение смысла истории и «тайны» мира. Вопреки «духу времени» постмодерна в статье красной нитью проводится идея о непреходящей значимости традиционных этических ценностей эпохи классического модерна.

Ключевые слова: время, закон, история, культура, либерализация, модерн, постмодерн, свобода, традиция, философия, эпоха.

Человек современной цивилизации обретает своё место в мире исчезающих традиций и меркнущих авторитетов, в мире, где сияние высших нравственных и религиозных ценностей близится к своему закату, где Запад горит нетерпеливым желанием обрести свободу без границ и где ценности либерализма становятся главными ценностями жизни. В современном мире всё сильнее проявляются симптомы ускоряющейся культуры, в которой миллионы молодых людей теряются в поисках «тотального вовлечения» [Toffler 1971, 97]. Наступает новая эпоха в цивилизационном существовании человечества, которая получила название эпохи постмодерна, ознаменованного радикальным отказом от линейной концепции времени, от презумпции наличия имманентной логики истории [Можейко 2001^a, 595], от признания за текстом и за всем миром как текстом окончательного смысла [Можейко 2001^b, 847]. Философия постмодернизма напоминает собой terra incognita, которая влечёт первопроходцев своей неведомостью, где мы «можем высекать себя в различных новых формах» [Бьюз 2016, 78]. В содержательно-аксиологическом

плане постмодернизм дистанцируется от классической традиции и продолжает тенденции рационализма и нигилизма эпохи модерна. Одновременно с этими тенденциями постмодерн решительно выступает против мировоззренческих и ценностных координат классической эпохи модерна, в которой важнейшие мировоззренческие и нравственные истины утверждались на фундаменте христианской традиции. История и культура «дали человечеству самый драгоценный инструмент прогресса — далёкую от практической осуществимости этику христианства» [Уайтхед 1997, 407]. Однако человек нового времени «уже не живёт в рамках традиции, а потому стал «неисторичным». Это новое состояние, говорил К.Г. Юнг, есть форма убожества, а неисторичность нынешнего человека — аналог «жизни во грехе» [Уотсон 2017, 377]. Современный мир впал в глубинную неопределённость и переживает серьёзный культурный и политический кризис. «Мы живём в эпоху перманентной социальной дестабилизации» [Щипков 2019, 41], когда «модернистская культура оказалась не в состоянии выполнить собственную программу тотальной рационали-

зации и сциентизации жизненного мира современного человека» [Там же, 46].

Эпоха постмодерна характеризуется небывалой новизной тотальной критики в адрес философии и культуры эпохи модерна. Она охвачена негативным отношением к его наследию, ей присущ дух разрушения — *spiritus destructionis*, деструктивную природу которого вскрыл в своё время И. Кант. Постмодернизм претендует на новизну своих исследований в области знаний в наиболее развитых обществах, считая, что «знание, накопленное в ранее принятых высказываниях, всегда может быть отвергнуто» [Лиотар 2016, 67]. Постмодерн предлагает человеку своё новое «ризоматическое» мышление, в котором, вопреки традиционным авторитетам, отбрасывается принцип множественности суждений и оценок в отношении выбора интерпретаций герменевтических значений и смыслов. В мировоззренческом плане постмодернизм выступает под знаком манифестации нового анархического начала, нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что ризома при всей своей номадологической неопределённости и расплывчатости ещё и антисоциальна, что, впрочем, сообщает ей дополнительный шарм, поскольку очарование духом бунтарства «по-прежнему в моде» [Хаустов 2018, 177]. Быть «гражданином Сети», быть «независимым», наконец, «быть циничным стало модно, выступать против всего официального стало *de rigueur*» [Бьюз 2016, 24].

В то время как христианская вера вела человека по пути преодоления эгоцентризма в его разнообразных девиантных проявлениях и вводила его в тот новый свет, в котором, по выражению К. Ясперса, преодолеваются «упоение и дикость», постмодерн ведёт человечество в противоположную сторону, по пути ветхого Адама, производя и тиражируя опыт Адамова падения как архетипический образ для новых поколений людей. Постмодернизм отрицает иерархический принцип в устройении общества, отменяет авторитет традиционных религиозных и нравственных ценностей, инкриминируя им репрессивные функции по отношению к природе человека и по отношению к свободе и неприкосновенности человеческой личности. Мировоззренческое заблуждение представителей философии постмодернизма заключается в том, что они абсолютизируют земную жизнь человека в её имманентной исключительности и замкнутости, интерпретируя её смысл в качестве единственной высшей ценности, не принимая в расчёт то обстоятельство, что вся история мировой цивилизации и культуры осуществляется под знаком трансценденции, то есть под знаком преодоления иррационального, стихийного, природного начала в наличном содержании человеческого существования, обретающего своё безусловное оправдание в том высшем и вечном предназначении, которое открывается за временными границами его бы-

тия. Однако никто не отказывает постмодернизму в праве на постановку таких проблем, как проблемы человека и истории, традиции и свободы, уходящих своими корнями в проблему соотношения универсального и уникального начал в человеческой жизни. С философской точки зрения суть проблемы состоит в том, что человек современной западной культуры, как и человек, сформировавшийся в условиях социалистической системы, утратил контакт с той фундаментальной метафизической реальностью, которая открывала ему присутствие Бога в его индивидуальном образе жизни.

Важнейшей особенностью нашего века является новая ситуация, в которой открывается культурный облик современной действительности. Постмодернизм, охвативший своим влиянием конец эпохи модерна, заявил о себе как наиболее ярком олицетворении духа времени нашей эпохи. Как концептуальное высказывание, понятие «дух времени», по мысли С. А. Левицкого, — «больше чем метафора; за ним кроется метафизическая реальность» [Левицкий 2008, 155]. В процессе научного познания, отмечает Ж. Деррида, «вербальное препятствие» часто обладает формой метафоры [Деррида 2012, 297]. Деррида склонен констатировать: «царство метафоры простирается за пределы языка» [Там же]. В метафоре преодолеваются границы смысла, представленного в парадигме логоцентризма, когда «смысл смысла является бесконечным подразумеванием» [Derrida 1972, 42] и когда «величие источника превосходит любую интерпретацию» [Ясперс 2019, 476]. Метафора «дух времени» открывает пространство принципиальной неопределённости заключённого в ней смысла, где неопределённость граничит с универсальностью, как, например, в уже упомянутом ризоматическом мышлении, где «ризоматическое мышление — это метафора современной культуры постмодерна» [Нижников 2012, 298]. То, что раньше задумывалось ментально, «что существовало на земле как метафора, как ментальный или метафорический эпизод, отныне стало реальностью, безо всякой метафоры в абсолютном пространстве симуляции» [Baudrillard 1985, 128]. Постмодернизм со свойственным ему принципом отрицания облачён в мантию негативного духа, он предлагает ризоматическое мышление, в котором провозглашается свобода творчества, отрицаются авторитет, иерархический принцип, «нет дуализма, онтологического дуализма, аксиологического дуализма добра и зла» [Усманова 2001, 665], но «при этом, по мысли Делеза и Гваттари, и ризоме не чужды деспотизм, собственная, ещё более жёсткая иерархия» [Там же]. В связи с подобными заявлениями вызывает тревогу «нарастание тоталитарных тенденций в неолиберальном обществе — это трактовка категории свободы как права ограничивать свободу другого — на правах «лидера» и под предлогом цивилизационной, культурной или социальной неполноценности оппонентов» [Щипков 2019, 43]. В полемике

с идеологическими оппонентами последним наклеиваются унижающие их достоинство ярлыки из арсенала классического hate language, которыми подчёркивается диктаторский императив в отведённой им «роли элитных изгоев» [Там же].

Примерно с 60-х годов XX века «постмодернизм стал осмысляться как выражение «духа времени» во всех сферах человеческой деятельности» [Ильин 1996, 202]. Собственно философия и есть, в некотором смысле, «сам дух времени, выраженный в сетке понятий» [Хаустов 2018, 184]. В те же 60-е годы в международной политике Запада повеял ветер перемен, принесший надежды на обновление ситуации апатии и разочарования. Политические дебаты, подогреваемые постмодернистской политической полемикой об общем неважном положении дел, привели к тому, что прежние тоталитарные идеологии левого и правого толка перестали быть в большой цене. В результате перемен философия модерна XX века была отмечена своеобразным антропологическим поворотом в переоценке человека, когда политическая риторика уступила место для дискуссии, вызванной осознанием кризисности человеческого существования в глобальном масштабе.

Начиная с 1979 года, термин «постмодернизм» утверждается в статусе философской категории, фиксирующей характер ментальной специфики второй половины XX века, ознаменованного новыми тенденциями в культурной и общественной жизни на общем фоне радикальных перемен, происшедших в политической жизни мира, в сфере науки, культуры и экономики. Постмодерн поставил своей задачей изучение структурно сходных явлений в мировой общественной жизни и культуре, включающих архитектуру, литературу, политику, художественное изобразительное искусство. Таким образом, постмодерн заявил о себе одновременно в философии, политике, искусстве и архитектуре, представляя современную моду, широко распространённую среди интеллектуальной элиты Запада. На общем фоне завоевания постмодернизмом своей философской и мировоззренческой значимости совершался процесс отчуждения современного человека от традиционных ценностей эпохи классического модерна.

Характер происходящих в мире социальных и культурно-исторических процессов был в значительной мере предопределён теми серьёзно недооценёнными тенденциями, которые привели к угасанию в личной и общественной жизни прежнего доминантного значения императива долга, выраженного в требованиях христианских заповедей и естественного нравственного закона. Вопреки принципу ответственности и долженствования, европейская культура санкционировала стремление человека к неограниченной внутренними рамками дол-

га стихийной свободе, закрывая глаза на то совершенно очевидное обстоятельство, что в своём стихийном иррациональном проявлении свобода представляет собой вызов мировому культурно-историческому процессу, в котором культура всегда означала преодоление стихии.

В этическом смысле «самой большой «свободой», вступившей в конфликт с Римской империей, а затем подчинившей себе всю средневековую жизнь» [Уайтхед 1997, 451], была христианская Церковь. На протяжении продолжительного исторического периода, от поздней античности до Нового времени, Церковь оставалась главным поставщиком мировоззренческих идей и нравственных идеалов и норм, следование которым гарантировало высокий уровень мировоззрения и культуры каждой отдельной личности. Начиная с эпохи Ренессанса, присущие эпохе модерна рационализм, релятивизм и нигилизм проложили новую большую дорогу истории, которая уже давно проходит мимо христианства и Церкви, но которая своими истоками обязана христианству и христианской церковной истории. В интерпретации веры Церкви возможен как теологический, так и философский аспект.

Однажды Деррида сказал: «Я не знаю, я должен верить» [Derrida 1993, 155]. В ситуации отсутствия достоверного знания исследователь должен полагаться на сверхрациональный опыт веры. «Мы не можем знать, что Бог во Христе примирил с Собою мир. Нам осталось единственное — верить» [Смит 2012, 161].

Если, согласно Хайдеггеру, любая современность видит и истолковывает прошлое «всякий раз со своего горизонта» [Хайдеггер 1993, 103], то не означает ли это признание, что охваченные высшим призванием «поэты и художники способны достичь в этом направлении самых дальних горизонтов, самых недоступных высот, которые по своей значимости сопоставимы с высшими философскими прозрениями» [Дугин 2010, 259]. Поэтому как бы ни продолжало сиять над горизонтом современности солнце благой вести Евангелия, «как бы ни была глубока перспектива, открываемая историческими источниками» [Уайтхед 1997, 439], предусмотренный Божественным Промыслом человеческий гений продолжает сохранять свою непреходящую значимость в культуре и истории. Мы теперь, констатирует А.Н. Уайтхед, «находимся в той эпохе, которая характеризуется высшими достижениями человечества, далеко ушедшего от животной дикости» [Там же]. Однако и в наше время, весьма удалённое от идеалов свободы и справедливости по причине индивидуального эгоизма, едва ли можно утверждать, что «человечество усовершенствовало присущие ему по природе духовные способности» [Там же]. Призрак неограниченной индивидуальной свободы затмил в сознании современного человека императивы

ответственности, долга и воздаяния. Не располагая достоверными гарантиями относительно метафизических предпосылок бессмертия и перспектив вечной жизни, человек обретает единственную способность избежать онтологический риск в свободном принятии традиции веры Церкви. «Мы,— продолжает Смит,— не знаем, мы можем только верить, и только такая вера... несёт освобождение и справедливость» [Смит 2012, 161].

Исключительное значение гениев философии состоит в том, что на культурном горизонте каждой исторической эпохи эллинистическая и европейская философия открывала метафизические предпосылки истинной веры. Так, например, «неоплатонизм играл принципиальную роль в разработке всей христианской догматики периода Вселенских соборов и через Александрийскую школу и отцов-каппадокийцев стал богословским ядром православной традиции» [Дугин 2016, 164]. История философии соотносится с философией истории, историей Логоса, историей мысли и слова.

Для культуры постмодерна философия — это не поиск истины, блага и красоты, но разновидность и жанр интеллектуального творчества, искусство, претендующее на новизну и оригинальность и не сторонящееся запретных тем. «Дух времени, очень талантливо увлеченный Жилем Делезом, поносит Платона и Гегеля, носит чёрные очки и взлохмаченную шевелюру, предпочитает непрестанно меняться и никогда не стоять на месте» [Харутов 2018, 184]. Ризоматическое мышление отвергает образ мыслей, традиционно называемый метафизикой, квалифицируя его «не просто как устаревший, но и пагубный» [Там же, 182]. В культуре постмодерна свобода граничит с девиантностью, но там, где сохраняется традиция, где признаётся закон, там становятся возможными стабильность и благоденствие: «там, где разум даёт пространство, исчезают иллюзии, проходят упоение и дикость» [Ясперс 2014, 311].

Постмодерн представляет серьёзную альтернативу эпохе классического модерна. Тем не менее, постмодерн как «эпоха массового творчества» [Гишинский 2017, 161], как современная мода, охватившая интеллектуальную элиту Запада, имеет место быть и окрашивать собой картину современной действительности. В оценке В. Вельша, «постмодерн и постмодернизм отнюдь не являются выдумкой теоретиков искусства, художников и философов» [Welsch 1984, 344]. Постмодерн представляет реальную действительность нового времени и как феномен переживающей кризис современной культуры, ещё бьётся в противоречиях и исканиях. В характеристике оценок современной действительности со стороны постмодерна с присущей этим оценкам «глубокой герменевтикой подозрения» [Смит 2012, 114] улавливаются черты нигилизма эпохи модерна.

С термином «постмодерн» ассоциируются финальные коннотации конца света. В истории европейской философии наступил «закат Запада», конец той цивилизации, в которой «солнце садится» [Дугин 2016, 64]. Но это не заходящее «солнце Эммауса» поэта-символиста В. Иванова, где заход солнца составляет фон для явления путникам Эммауса Воскресшего Христа, и где солнце, способное дарить космосу свет и тепло, является, согласно Дионисию Ареопагиту, иконой Мирового Блага: «И дара нет Тому, Кто Дар». Это другое солнце, другой закат, увиденный О. Шпенглером. В свете диалектики всемирной истории в «Закате Европы» Шпенглера нет принципиальной онтологической новизны: история человечества знает примеры гибели целых цивилизаций. «Рассказ о Вавилонской башне (конструкция и деконструкция одновременно) есть также история» [Деррида 2013, 126]. Тем не менее, наша история, история, завершающаяся концом мира, заключает в себе намёк на вечность, «онтологический намёк на бессмертное человечество» [Левицкий 2008, 155], ибо «погибнуть,— как сказал Уайтхед,— значит принять на себя некоторую новую функцию в процессе созидания» [Уайтхед 1997, 697].

Жак Деррида отмечает как вполне симптоматический знак, что в современном философском дискурсе присутствует «интерес к универсальности антропоса» [Деррида 2012, 141]. Заклучая свои «Избранные работы по философии», А. Н. Уайтхед говорит, что «мир получает стимул к движению по направлению к такому совершенству, которое возможно для его самых разнообразных индивидуальных событий» [Уайтхед 1997, 702], а М. Хайдеггер стремится «прежде всего, выяснить, наконец, как бытие касается человека и как оно заявляет на него свои права» [Хайдеггер 1993, 201].

Человеческое существование, согласно Хайдеггеру, характеризуется тем, что человек заброшен в мир, где он обнаруживает себя конечным, временным, смертным и где он по воле судьбы может иметь своё собственное «антропологическое» время. «Он есть откровение бытия и одновременно его сокрытие. Он жив, именно потому что смертен. Он смертен — в силу того что жив» [Дугин 2016, 11]. Фундаментальная онтология Хайдеггера создаёт метафизические предпосылки для веры как пути к трансценденции, однако сам Хайдеггер видит бытие человека исключительно в границах имманентности, не допускающей какой-либо трансцендентной перспективы в предназначении человека.

В истории мировой философской мысли явление Хайдеггера, который обвиняет западноевропейскую философию в забвении онтологического вопрошания вплоть до чистого нигилизма, вплоть до оставления и потери бытия (Seinsverlassenheit), и которого постмодернизм объявил завершителем эпохи модерна, пред-

ставляется не меньше как знаковым: «и вере,— отмечает С.С. Аверинцев,— и рационалистическому просветительству присущи общие черты: вызов, бросааемый «нечестивому» или «неразумному» миру, и с точки зрения веры, и с точки зрения разума погрязшему в «зablуждениях» [Аверинцев 1995, 443]. Следует попутно заметить, что новаторство Аверинцева, выходящее «за пределы традиционного научного дискурса» [Ковельман 2017, 20], роднит Аверинцева с Деррида: «И Деррида, и Аверинцев восстали против социального «научного» письма, отгородившего себя от живой устной речи. Деррида, по его собственным словам, «изо всех сил старался писать на максимально чистом, как можно более идиоматическом, а значит, непереводаемом французском языке» [Там же, 20–21].

Постмодернизм предлагает новое видение человека, культуры и общества, отправляясь не от научных посылок, не от классической рациональности и научно-критического мышления, а исходя из практических, идеологических и политических интересов. В то же время постмодерн не остался чужд модернистской тенденции общей секуляризации жизни, которая, тем не менее, парадоксальным образом может сочетаться и с неоязычеством, и с неопантеизмом, и с откровенными суевериями. Либерализация сознания, происходившая в эпоху модерна, продолжает своё триумфальное шествие и с утверждением постмодерна, для которого категория свободы представляется главной ценностью в общезначимом экзистенциальном смысле. Современный мир в своём стремлении обрести неограниченную свободу забывает о нравственных границах свободы, нарушение которых таит опасность нигилизма и беззакония, ведущих к утрате бытия. Выступающий в качестве альтернативы моральной аномии весьма авторитетный в эпоху классического модерна естественный нравственный закон включает в себе универсальный нравственно-онтологический смысл.

Если исходить из основного значения греческого термина «*nomos*», означавшего в своём первоначальном смысле «изгородь», которую устраивали пастухи для загона скота, то выясняется, что закон — это преднамеренное ограждение пространства свободы, в котором свобода актуально открывается в своей потаённой природе, феноменальной очевидности и сущностной глубине. «*Nomos*,— отмечает Хайдеггер,— не просто закон, но в более изначальной глубине предназначение, таящееся в миссии бытия. Только это предназначение способно привязать человека к бытию» [Хайдеггер 1993, 218]. Пространство свободы совпадает с пространством бытия. Но, подобно тому, как стихия бытия находит своё ограждение и оформление в порядке существования, экзистенции, стихия свободы получает своё «самодержавное право» [Там же, 119] в порядке, установленном санк-

циями закона. В этом смысле закон есть необходимая предпосылка оформления пространства свободы. Свобода открывается, познаётся и оформляется в законе, подобно тому, как вещество оформляется в кристалле, живая материя — в клетке, нравственность — в поступке, художественное полотно — в раме, время — в событии. В своей ноуменальной глубине закон включает универсальный метафизический принцип устройства бытия. Свободу сковывает не закон, а страх перед законом; переступая закон, человек переступает границу пространства, за которой открывается бездна ничто. Страх перед законом имеет своей причиной вину, вносящую в сознание человека со времени Адамова преступления иррациональный элемент ужаса небытия. «Страх есть скованная свобода, когда свобода не свободна в самой себе» [Кьеркегор 1998, 150].

Кризис европейской культуры обязан своим рождением бегству от закона, спровоцированному этическим релятивизмом, скептицизмом и нигилизмом и инспирированному идеологией западного либерализма. «Вслед за отказом от христианской традиции был неизбежен отказ от традиции классического рационализма, которая ещё в эпоху секуляризации была отторгнута от общехристианского дискурса» [Щипков 2019, 45]. Вопреки закону, его универсализму, его нравственному авторитету в истории культур и цивилизаций, постмодернизм с присущей ему стихией свободы и девиантности провоцирует отказ общества от традиционных этических норм, от исторической миссии культуры, призванной к утверждению в человеческой жизни принципов порядка, стабильности, благородства и творчества. В оценке Бодрийяра, современный мир пребывает в состоянии «завороженности», представляющей собой «нигилистическую страсть», соотносимую с дорогой, ведущей к исчезновению. Современный нигилизм, «нигилизм транспарентности» — это уже «не эстетический и не политический, он уже не проистекает из процесса уничтожения очевидного, ни из процесса уничтожения последних проблесков смысла» [Бодрийяр 2014, 208]. Альтернативой нигилизму в постмодернистском проекте должен быть, по мнению Бодрийяра, выбор «культурной стратегии», которая в своём реальном варианте «фатальной стратегии» является более чем сомнительной.

Философия постмодерна как естественный итог истории развития западноевропейской философии, философии исканий и заблуждений, оставляет вполне открытым вопрос о новой картине мира, которую невозможно написать ни красками рациональной рефлексии, ни в *lignes de fuite* (линии ускользания) нового ризоматического мышления. Здесь, как заявил К. Ясперс, можно исходить только из веры в Откровение, поскольку вне Откровения — только релятивизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев 1995 — Аверинцев С. С. Глубокие корни общности // Лики культуры. Альманах. Том первый. М., 1995.
2. Бодрийяр 2014 — Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М., 2014.
3. Бьюз 2016 — Бьюз Т. Цинизм и постмодернизм. М., 2016.
4. Гилинский 2017 — Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодернизма. СПб., 2017.
5. Деррида 2012 — Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
6. Деррида 2013 — Деррида Ж. Эссе об имени. СПб., 2013.
7. Дугин 2010 — Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Философия другого начала. М., 2010.
8. Дугин 2016 — Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Метаполитика. Эсхатология бытия. М., 2016.
9. Ильин 1996 — Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
10. Ковельман 2017 — Ковельман А. В. Ницшеанские парадигмы в гуманитарных исследованиях: Деррида, Аверинцев и другие // Вопросы философии, № 2. 2017.
11. Кьеркегор 1998 — Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1998.
12. Левицкий 2008 — Левицкий С. А. Трагедия свободы. М., 2008.
13. Лиотар 2016 — Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб., 2016.
14. Можейко 2001a — Можейко М. А. Постистория // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
15. Можейко 2001b — Можейко А. М. Трансцендентально означаемое // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
16. Нижников 2012 — Нижников С. А. История философии. Учебник. М., 2014.
17. Смит 2012 — Смит Дж. Церковь и постмодернизм. Черкассы, 2012.
18. Уайтхед 1997 — Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1997.
19. Уотсон 2017 — Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017.
20. Усманова 2001 — Усманова А. Р. «Ризома» // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
21. Хайдеггер 1993 — Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
22. Хаустов 2018 — Хаустов Д. С. Лекции по философии постмодернизма. М., 2018.
23. Щипков 2019 — Щипков А. В. Системный кризис общества и состояние посткапитализма // Вопросы философии, № 9, 2019.
24. Ясперс 2014 — Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014.
25. Ясперс 2019 — Ясперс К. Великие философы. М., 2019.
26. Baudrillard 1985 — Baudrillard J. The Ecstasy of Communication, trans. John Johnston, in Hal Foster, ed. Postmodern Culture, London: Pluto, 1985.
27. Derrida 1972 — Derrida J. Positions. 1972.
28. Derrida 1993 — Derrida J. Memoirs of the Blind, trans Pascale-Anne Brault and Michel Naas. Chicago University of Chicago Press, 1993.
29. Toffler 1971 — Toffler A. Future Shock. New York: Bantam, 1971.
30. Welsch 1984 — Welsch W. Unsere postmoderne Moderne Weinheim, 1984.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsvry@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»